

ВАДИМ ГОЛУБЕВ

Облом

ДЕТЕКТИВЫ, ТРИЛЛЕРЫ,
РАССКАЗЫ РАЗНЫХ ЛЕТ

Вадим Голубев

**Облом. Детективы, триллеры,
рассказы разных лет**

«Издательские решения»

Голубев В.

Облом. Детективы, триллеры, рассказы разных лет / В. Голубев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901536-5

Имя Вадима Голубева знакомо читателям по его многочисленным детективам, приключенческим романам. В настоящем сборнике публикуются его детективы, триллеры, рассказы. В них есть и юмор, и леденящая кровь, и несбывшиеся мечты. Словом, сплошной облом, характерный для нашего человека. Отсюда и название сборника.

ISBN 978-5-44-901536-5

© Голубев В.
© Издательские решения

Содержание

Капитан	6
В мае сорок пятого	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Облом

Детективы, триллеры, рассказы разных лет

Вадим Голубев

© Вадим Голубев, 2018

ISBN 978-5-4490-1536-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Капитан

Много лет назад эта вещь была опубликована в журнале «Юность». Тогда я работал в Канаде, о чем было указано в тексте. Прошли годы, но и сейчас «пираты», публикующие данное произведение, продолжают писать: «Валим Голубев живет и работает в Торонто». Уведомляю: Вадим Голубев уже давно творит в России, а боевик «Капитан» печатается по тексту автора.

1

За развевавшимся на корме трехцветным флагом таял Владивосток. Проплыл справа полуостров Эгершельд, мелькнули острова Русский и Попов. Покрытый уходящими в Китай и Корею горами берег залива Петра Великого превратился в синюю полосу. «Полный вперед!» – дал команду машинному отделению капитан. Уже пять лет он командовал пассажирским лайнером, возил в круизы богатых людей. Сначала это были крупные торговцы и промышленники из Приморья. Теперь – сибирские и уральские воротилы и даже несколько банкиров из Москвы и Санкт-Петербурга. Эти люди разительно отличались от прежних советских туристов, ошалело рыскавших в поисках дешевых видюшников, электроники, тряпья. Отличались они и от сменивших туристов крутых ребят из совместных предприятий, покупавших те же товары оптом, заключавших договоры на поставки японских автомобилей в обмен на лес, металл, уголь. У этих, новых, было тряпье от Валентино, а виллы в Майами и на Азорских островах. «Мерседесы» они успели поменять на «порше», а кое-кто и на «ролс-ройсы». В круиз по странам Востока они ехали отдохнуть от дел, а главное – поставить галочку, что были в Сингапуре, Гонконге, занимались подводной охотой на Большом коралловом рифе в Австралии. Поэтому стоянка в Саппоро, где раньше покупали дешевые товары, была заменена в первую столицу Японии Киото. Обязательный при Советах заход в один из портов Северной Кореи заменили стоянкой в южнокорейском Чемульпо и поездкой в Сеул. Вместо Хошимина (бывшего Сайгона) возник в маршруте Шанхай. Остальное осталось по-прежнему: Токио – Йокогама, Гонконг, Сингапур, Малайское побережье, Таиланд, Индонезия, Дарвин в Австралии, а на обратном пути – Филиппинские острова.

При коммунистах Капитану часто намекали: «Не хочешь выйти на пенсию старпомом, будь поласковей с ребятами из Пароходства!» Это означало, что надо «давать» или валютой, или товарами. Многие, чтобы занять хорошую должность или получить хороший рейс, так и поступали. Из года в год везли по спискам всякую всячину для чинов из Пароходства, «отстегивали» им долларами, иенами, фунтами.

На свою беду, капитан этого делать не умел. Его держали на лайнере старшим помощником капитана за знания, опыт, работоспособность. Капитаном его сделал бывший соученик по школе Юра Слюсаренко. Отъявленный хулиган и второгодник, он с трудом одолел восемь классов. А потом пошли тюрьмы, лагеря, «глотки свободы» перед новой посадкой, дебоши у винных магазинов, валяние там же в заблеванном рванье. Теперь Юру возили в семиметровом белом лимузине, а в дополнение к нескольким сухогрузам и танкерам он купил круизный лайнер и туристическое агентство.

На лайнере оборудовали еще один бассейн, бронированные сейфы в каютах, казино с рулеткой, открыли филиал принадлежавшего Юре банка. Тогда и Капитан стал капитаном.

– Ты – единственный, кто в этой дыре мне не пакостил, – сказал Юра при назначении. – Дрались мы по малолетству часто, но подлости от тебя не видел. Знаю, что и сейчас – ты дожил до сорока, а срать за пазуху не научился. Что барашков давать не умеешь – лопух! Но мне откаты не нужны. Мне работа нужна!

Когда вышли в открытое море, к Капитану явился Анатолий Сергеевич Глухов – менеджер круиза. Ему подчинялись казино, варьете, гиды. Он ведал всеми вопросами обслуживания туристов. Поигрывая бриллиантовыми перстнями, Глухов положил список туристов, которые будут питаться за капитанским столом в кают-компании. Это была единственная привилегия (все пассажиры питались в ресторане), за которую менеджеры, в том числе и шедший в третий рейс с Капитаном Глухов, гребли доллары. Капитан знал, что Глухов уже собрал жатву. Две фамилии в списке удивили его.

– Пржешевский, журналист...

– Юра велел посадить, – ответил Глухов. – Этот репортер приглашен фирмой описывать круиз. Хорошая реклама в прессе.

– Маша Громова. Что этой проститутке делать за капитанским столом?

– Маша в этом рейсе отдыхает. Говорит, что едет ради удовольствия. Обещала не проституировать, пардон, не работать! Остальных девочек немного, пара-тройка. Публика в этом круизе солидная. Едут с женами, но в основном, с герл-френдами. Везут банкиры австралийца. Он с ними заключил какое-то крупное соглашение. Провожают его до Дарвина. Может, он этих тёлок снимет, может, кого-то из варьете. Те не прочь баксов подрубить, но это не наши проблемы!

– Гэбэшников где разместили?

– Гэбэшников в этом рейсе не будет. Я заключил договор с фирмой, обеспечивающей безопасность пассажиров. Нас сопровождают шесть человек. Все прекрасно знают каратэ, кунг-фу, тайский бокс...

– В Южно-Китайском море у пиратов автоматы, базуки, на катерах крупнокалиберные пулеметы и скорострельные пушки. Есть даже ракетные установки.

– Ну, у наших тоже кое-что есть, – похлопал себя по карману Глухов.

– Почему Никоенкова нет за капитанским столом? – влез в разговор вездесущий старпом. – Звезда эстрады...

– Заходящая звезда! – отрезал Глухов. – В международных и крупных отечественных шоу уже не участвует, последние записи расходятся плохо. Взял его туристов развлекать. Пара лет, три-четыре наших круиза и выйдет в тираж. Похарчует в ресторане, за артистическим столом. Буду ему перед каждым выступлением стакан подносить для куража. Больше наливать не велено. Он когда пьяный – дурной!

Как бы услышав, что вспоминают его, в рубку ввалился Никоенков.

– Кэп! – обратился он к Капитану. – Что за каюту вы мне выделили? Теснота, коечка односпальная, ванны нет – только душ!

– Эту каюту выделил вам я, – ответил за Капитана Глухов. – Ванна полагается тому, кто за нее платил. Кто тратит в круизе деньги. Вы же их зарабатываете. Это вам как звезде эстрады. Остальные едут по двое, по трое, а кто величиной поменьше – по четыре человека в каюте.

– Контрактом предусмотрено...

– Контрактом предусмотрено, что кроме зарплаты, мы вас бесплатно кормим и обеспечиваем жильем. Но нигде не указано, что мы обязаны предоставить вам каюту-люкс! Идите, репетируйте! Через четыре часа банкет, – начал вытеснять из рубки Глухов певца.

– Как же я буду репетировать в такой тесноте? – сник тот.

– Будете репетировать как и все – в ресторане! Эй, вахтенный! – гаркнул Глухов матросу. – Никого из артистов и пассажиров в рубку не пускать! Все вопросы пусть решают только со мной.

2

На банкете по случаю начала круиза рекой лилось шампанское. Выкладывались артисты. Заливался соловьем Никоенков, подобревший после стакана «Наполеона», поднесенного ему

Глуховым. Сам Анатолий Сергеевич в белом смокинге прохаживался между столиками, зорко следя, чтобы вышколенная прислуга создавала туристам максимум комфорта. На несколько минут появился на банкете и Капитан. По заведенной традиции он пожелал туристам веселого круиза и хорошей погоды.

Банкет подходил к концу, когда капитан передал вахту старпому. В одном из холлов он наткнулся на Никоенкова, ворковавшего с примадонной варьете.

– Вы были просто восхитительны! – приобнял певец примадонну.

– Куда уж мне до ваших столичных! – терлась об него та.

– Правда, вы выступали на международном уровне. Я даже не ожидал столь высокого класса от Приморья! Слушайте! У меня в каюте есть коньячок, икорочка – дар поклонников. Не посидеть ли нам?

– Отчего же? Завтра не работать, – примадонна двинулась вслед за Никоенковым. – Завтра приходим в Йокогаму. У гостей по плану Токио, ночная Гинза, ужин в японском ресторане и отъезд на три дня в Киото. У нас только ночная Гинза.

– Прекрасно! Вы мне ее и покажите! – оживился Никоенков, отпирая дверь в каюту.

– Может быть, – неопределенно улыбнулась дама.

3

В Йокогаме лайнер опустел. Уехали в свой трехдневный вояж туристы. Уехали моряки и артисты с обслугой смотреть ночную Гинзу. Капитан остался на судне. Последние пятнадцать лет он шесть-семь раз в году бывал в Токио. Неторопливо моряк шел по судну, обдумывая план работ на следующий день. На корме, на нижней палубе Капитан увидел группу японцев. Откуда-то сверху к ним падали тюки. Японцы рылись в них, что-то проверяли, тихо переговариваясь между собой. Следом за последним тюком спустился Глухов. Пожилой японец протянул ему пачку долларов и сказал:

– Ты нехороший! Все ваши иенами берут. Ты баксы хочешь!

– Я у тебя этот товар просил или ты у меня? – возмущенно всплеснул руками Анатолий Сергеевич. – Да я это в Сингапуре за те же баксы отдам. Только вдвое больше получу! Возиться не хочется, место в каюте товар занимает... Не хочешь – давай обратно!

– Йо, – остановил его жестом японец. – Плачу, как договорились.

– Все – о'кей! Только вот эту бумагу поменяй, рамка подгуляла, – протянул банкноту Глухов.

Японец вздохнул и заменил купюру. Контрабандисты бесшумно покидали тюки в свой катер, спустились в него по веревочной лестнице. Глухов отцепил ее и смотрел вслед японцам. Он поигрывал пачкой долларов, любовно глядя на них.

– Не мало тебе, Глухов? – хлопнул его по плечу Капитан.

– Почему не взять, если само в руки идет? – убрал деньги Анатолий Сергеевич.

– Не боишься, что я тебя сдам?

– Ну, кому? Кому ты меня сдашь? Таможенники – мои люди. Я таможеннику от щедрот своих десять «зеленых» суну, он мне такси вызовет, дверцу откроет и честь отдаст. Гэбэшники – свои ребята! Сам у них служил, в спецрейсы ходил. Я тебя еще по ним помню. Да и «Visa» у меня. В любом городе могу баксы по ней в банк положить и взять из банка. Пойдем-ка лучше в бар, по пять грамм выпьем и спать! А то у меня с рассветом дел много...

– У меня тоже хватает. А на судне, сам знаешь, не пью, – пошел от Глухова Капитан.

Он вспомнил юркого, остроглазого матросика, который появлялся на корабле на один рейс, а затем пропадал на полгода-год. Всех ребят трясли таможенники, этому же была «зеленая улица». «Думал я с окончанием брежневщины, кончаются и времена „глуховых“. Ан нет! Сейчас их времена настали в демократической России. При коммунистах „глуховы“ таились. Теперь свои дела открыто проворачивают. Да еще издеваются над теми, кто не „по-глуховски“

живет. Быдло для „глуховых“ трудяга! Сожгли партбилеты и вывернули свое нутро наизнанку. И ничего с ними не сделаешь. При коммунистах была хоть видимость законности. Сейчас – полное беззаконие! Партийную мафию сменила мафия уголовная», – размышлял, отходя ко сну Капитан.

Не долго пришлось ему спать. Ближе к утру начали возвращаться с ночной Гинзы моряки и прочие. Выпрыгивали из дорогих машин певички и танцовщицы варьете. С почтительным книксеном они вручали по несколько банкнот тершемуся у трапа Глухову. Там же ошивался ожидавший примадонну Никоенков.

– Вас просили не беспокоиться, – сказала ему вышедшая из лимузина артистка. – Она с австралийцем в Киото на три дня уехала.

– Предупреждаю: никаких эксцессов! – бросил певцу через плечо Анатолий Сергеевич.

Через три дня туристы возвратились из Киото. Примадонна, с презрением взглянув на Никоенкова, проследовала в каюту австралийца. Певец попытался дернуться, но был оттерт «мальчиками» Глухова.

Ночью Никоенков забарабанил в дверь австралийца.

– Выйди, тварь! Поговорить надо! – лупил ногами в мореный дуб певец.

– Я не понимаю его! Что ему нужно? – послышалось бормотание австралийца.

– Вероятно, он ошибся каютой, – ответила примадонна.

– Да, да! Этот парень ошибся каютой! Извините, дорогой сэр! – прозвучал голос Глухова.

Рука впиалась в затылок Никоенкова и резко повернула его. Певец увидел наглоглазого молодого человека из группы сопровождения и стоявшего за ним Глухова. Удар в переносицу покрыл глаза звезды эстрады снопами искр. Сложенная кинжалом пятерня больно ударила в солнечное сплетение, выпустила из легких воздух. Толчок коленом вызвал тягучую боль в мошонке. Ударами ног скорчившегося певца гнали к выходу, задавая ему направление причиняемой боли. На палубе Никоенкова ударили ногой по лицу, разбив нос и губы. Певец попытался подняться, но получил удар по кобчику и ткнулся лицом в палубные доски. Теперь он закрывал голову руками, а обступившие его «мальчики» били ногами по печени, почкам, ребрам, сменяя одно болевое ощущение другим.

– Хорош! – процедил Глухов, оттянув за волосы голову артиста. – Я ведь тебя-козла предупредил: никаких эксцессов! Ты в приличном заведении находишься, а не в бардаке. Запомни это! Еще раз так сделаешь – хуже будет! Понял?

– Понял, – всхлипнул Никоенков.

– Пошел вон! – пнул его Глухов.

Через некоторое время притащили примадонну. Она решила отоспаться в своей постели, а попала к «мальчикам», поджидавшим ее. Анатолий Сергеевич вытащил из джинсов ковбойский ремень с тяжелой серебряной бляхой и отхлестал артистку по аппетитному, но уже начавшему дряблеть заду.

– Что ты, сучка, себе позволяешь? – приговаривал менеджер, нанося удары. – Мужиков меняешь, стравливаешь их. Туристам от этого беспокойство... Сколько австралиец тебе за любовь заплатил?

– Ой, Толенька, жадный он! – взвизнула примадонна. – Денег не дает. Так, грошовые подарки! Говорит: «У меня нет наличных, только чеки».

– Вот пусть и выпишет чек на соболиную шапку! У нас в бутике, как раз моего размера имеется. Объясни ему, что за любовь теперь и в России надо платить. И «мальчикам» угощение надо выставить! Они свой режим нарушили, вместо сна твоим воспитанием занимались.

– Мы, дядя Толя, по водочке не ударяем, – сказал старший из «мальчиков». – А вот от швейцарского шоколада не откажемся.

Утром старпом спросил Капитана, знает ли он, что случилось на судне.

– Знаю, – ответил тот. – Никоенкову хорошо вломили: весь заклеенный. Примадонне задницу драли. Дал хозяину радиogramму о бесчинствах Глухова и его команды.

– Ответ получил?

– Да, читай, – протянул бланк Капитан.

«Не вмешивайтесь в действия менеджера круиза. Слюсаренко», – с удивлением прочел старший помощник.

4

Ночью лайнер покинул Гонконг. Умаявшиеся за два дня пассажиры разошлись по каютам. Несколько полуночников сидели в казино и баре. «Не пора ль вам застрелиться, господин штабс-капитан?» – завывал с эстрады Никоенков, на лице которого сквозь густой грим проступали синяки. Маша Громова выпила порцию двойного виски и теперь шла в свою каюту. В Гонконге она неплохо провела время в дорогом ресторане в обществе богатого китайца. Привыкшая работать ночами, Маша не могла заснуть без выпивки. Она хотела выкурить сигарету на свежем воздухе. На опустевшей палубе к ней метнулась пара глуховских «мальчиков».

– Привет, Маша! Хорошо отдохнула? А мы как проклятые сидим на этой посудине... Может, развлечешь нас? – «мальчики» заелозили проказливыми ручонками по Машиным бедрам и груди.

– Я на отдыхе, парни! Занимаюсь любовью, лишь чтобы не терять форму. С тем, кто мне нравится.

– Макаки желтожопые тебе нравятся. За доллары! А мы, русские – рылом не вышли? – «мальчики» начали грубо лапать девицу.

– Парни, я возбуждаюсь только за баксы! – попыталась освободиться Маша.

– Кто сказал, что мы собираемся тебе платить? – возмутились «мальчики», больно дернули Машу за грудь. – Давай! Не то силой возьмем и так тебе вывеску разукрасим, что в Сингапуре дальше лайнера не высунешься.

– Что же! Пойдемте ко мне в каюту, – поняла Маша, что от «мальчиков» не отделаться.

– Нет! Хотим здесь, при свете луны! И не по очереди, а вместе!

Один из «мальчиков» поднял согнутую в колене ногу девушки. Другой начал задира́ть на ней вечернее платье, пытаясь нащупать резинку трусиков.

– Отставить! – властно приказал Капитан.

«Мальчик» прыгнул в направлении Капитана. Он взмыл над моряком, и, кружась в воздухе, попытался зацепить его ногой. Капитан присел, отклонил корпус вправо и двинул кулаком в промежность летевшего над ним «мальчика». Вскрикнув от боли, отморозок ударил ногой по стальной двери, врезался в нее сам. Капитан нанес ему удар ногой в солнечное сплетение, добавил кулаком по темечку. Затем еще дал в челюсть и добил ногой в подбородок. «Мальчик» глухо стукнулся о палубу и затих. Его приятель, выхватив нунчаки, пошел на Капитана. Теперь Капитан только успевал уклоняться от свистящего оружия. Он чувствовал, что вот-вот последует комбинация ударов ногами. «Мальчик» еще раз стегнул нунчакми, и крутанулся, выбросив вперед ногу. Капитан отбил рукой этот удар, сам рванулся навстречу, перехватил руку с нунчаками, резко крутанул ее и бросил парня через себя. Нунчаки вывалились за борт, «мальчик» покатился по палубе. Он нашел силы подняться. Попытался свистнуть, созывая приятелей. Правая рука у него не действовала, левой он вытащил пистолет. Как бы отплясывая вприсядку, Капитан закрутился к противнику. Три пули, одна за другой, вырвали щепки из палубы в тех местах, где только что был Капитан. Удар ноги выбил пистолет из руки «мальчика». Ударом каблука в лоб Капитан «вырубил» падавшего насильника.

– Пойдем, провожу. Может быть, тебя около каюты ждут, – Капитан положил в карман пистолет.

– Зря ты за меня вступился, – сказала Маша. – Я бы вымылась и забыла об этом, а у тебя могут быть неприятности. Слишком много мест на судне, где трудно разминуться.

– Что же? Надо было уйти на цыпочках?

– Сколько таких случаев! Когда среди бела дня убивают и насилюют, а здоровые мужики, отворачиваясь, проходят мимо.

– Слишком много мы в последнее время, отворачиваясь, проходили мимо. А ты, Маша, обещала, что не будешь работать.

– Я не работаю. Мужики мне нужны для тонуса. В этом рейсе я – туристка.

– Не боишься гадость какую-нибудь подцепить?

– Главное – не думать об этом. К тому же, мои клиенты – публика из тех кругов, где подцепить что-то невозможно. После этого рейса я завязываю. Денег мне до смерти хватит. О семье пора подумать. Возьми меня замуж, Капитан!

– Ты ведь налево бегать будешь? – попробовал отшутиться моряк.

– Буду! – серьезно ответила Маша. – Я теперь с одним мужиком не смогу. Но ты не беспокойся! Все будет по-благородному. Для окружающих, а главное – для тебя я буду верной и преданной женой.

– Что скажет моя жена?

– Ты со своей женой уже десять лет в разводе. Я узнавала. Ты будешь иметь все, что захочешь. Как сыр в масле кататься будешь. Весь в золоте будешь. Тачку тебе подарю самую лучшую – не японское говно! «Джип-ларедо» справим или «Линкольн-таункар». Связи у меня большие. Захочешь – примешь лучший лайнер в Пароходстве или в частной компании. Захочешь – любую должность в Пароходстве займешь. Захочешь – на американских или английских судах ходить будешь.

– А если не захочу?

– Юрик ценит тебя, но незаменимых людей нет. Подумай до конца круиза! Я не тороплю. А сейчас, извини, мне спать пора.

В кабинете Анатолия Сергеевича бушевали «мальчики». Все были в сборе.

– Мы его, козла позорного, на части разберем! – поминали они Капитана.

– Чья инициатива Машу трахнуть? – спросил Глухов. – Кто предложил?

– Я, – выдавил из себя «мальчик» и упал от удара головой в нос.

Сбитому с ног парню Анатолий Сергеевич добавил ногами.

– Ну, дядя Толя! Ты – мэн крутой, – удивленно выдавил старший из «мальчиков».

– Вам что, мало проституточек из варьете? Служебные обязанности с отдыхом путаете?

Вы туристок охранять обязаны, а не приставать к ним с низменными предложениями. Надеюсь, я понятно объяснил? К тому же, Машка связана с очень серьезными людьми. Вас за нее закопают – никакие каратэ с кунг-фу не помогут!

– Поучить бы этого Капитана, дядь Толь?

– Капитан нам дороже всех. Не смей его трогать без моей команды! Теперь всем разойтись!

5

– Входим в криминогенную зону? – спросил заступивший на вахту старпом.

– Нет, я приказал изменить курс, – ответил Капитан. – Задержимся с прибытием на пару часов, но меньше риска.

– Когда вы выходили, был Глухов. Очень рассердился, узнав, что автобусы будут ждать, – сказал штурман.

– Я предупредил Сингапур радиogramмой, – резко повернулся к нему Капитан. – На каком основании Глухов рылся в судовом журнале? Вы знаете, кто допущен к чтению этого документа. Впредь прошу выполнять инструкцию!

Не успел Капитан покинуть рубку, когда на горизонте появились пять точек, шедших на сближение с лайнером.

– Пять катеров идут пересекающимся курсом, – доложил марсовый.

– Полный вперед! – скомандовал Капитан.

– Световым сигналом катера приказывают застопорить машины, – снова доложил марсовый.

– Полный вперед! Дать сигнал SOS! Уведомить, что подверглись нападению пиратов! Включить сирену!

– Радиоаппаратура выведена из строя, – доложили Капитану.

Внезапно начала стопориться машина.

– Полный вперед, я сказал! – рявкнул в переговорную трубку Капитан.

Анатолий Сергеевич пинком открыл дверь в рубку. За ним, поигрывая маленькими автоматами ввалились четверо «мальчиков». Их лбы были обтянуты красными повязками.

– Руки вверх! – приказал Глухов. – всем мордой на левый борт! Машинное! Договорились с механиками?

– Договорились, – ответил наглый голос. – Вот только пришлось стармеху в лоб дать. Лежит – отдыхает.

– Опустить трап! – скомандовал Глухов.

Катера настигли лайнер, кружили вокруг него. Глуховские «мальчики» опустили трап, по которому поднялись татуированные желтые люди с красными повязками на головах. Пираты рассредоточились, заняли ключевые позиции, беря под прицел все выходы из отсеков на палубы. Их было не более трех десятков. В рубку вошел тридцатилетний китаец в костюме военного образца. С ним было четверо обнаженных по пояс телохранителей.

– Добро пожаловать. Господин Чан, – сказал по-английски Глухов, низко поклонившись.

– Молодец! – кивнул Анатолию Сергеевича Чан. – У меня давно не было таких легких операций.

– Это – ключи от банковского сейфа. Это – ключи от сейфа казино. Это – ключи от бутика. Директора этих заведений помогут открыть. Эй! – кивнул Глухов «мальчику». – Проводишь в каюты этих господ.

Чан что-то крикнул по-китайски и несколько пиратов пошлепали за «мальчиком».

– Этих – на нос, – показал Глухов на моряков. – Капитана оставить: буду говорить с ним в моем офисе.

– Объявляй! – велел Чан. – Внутренняя связь работает?

– Работает. Ее мы из строя не вывели, – Анатолий Сергеевич шелкнул тумблером внутренней связи и заговорил. – Уважаемые дамы и господа! Наше судно захвачено пиратами. Всем собраться на главной носовой палубе. Деньги и ценности оставить в каютах на видных местах. Сопротивление, утаивание денег и ценностей, попытки спрятаться будут караться немедленной смертью.

Глухов несколько раз повторил это объявление. Сначала на нос стали собираться моряки и обслуга. Следом потянулись еще не отошедшие от сна туристы. Притащили избитого директора банка.

– Не хочет, падла, говорить шифр к сейфу, – пожаловался «мальчик».

– Мне он тоже не сказал. Ваш выход, господин Чан, – улыбнулся Глухов.

Чан приказал по-китайски. Директора сбили с ног, содрали с него тусы. Чан вытащил из кармана футляра от сигары, показал его директору. Из футляра он вытащил усеянную колючками веточку. Тоже показал ее директору. Заглянув в глаза финансисту, Чан принялся медленно вводить веточку в мочеиспускательный канал несчастного, поворачивая ее.

– А-а-а! – душераздирающе закричал несчастный. – Я скажу! I will say!

Окровавленного директора уволокли в банк. Туда же направился Чан. В рубке остались Капитан, Глухов и «мальчик». «Мальчик» не спускал с Капитана автомат.

– Продаешь? – устало спросил Капитан.

– Выполняю условия контракта, – усмехнулся Глухов.

– Юра простит тебя?

– За Юрика не беспокойся. Он на страховку три таких посуды купит. Он уже простил. Думаешь, я не знаю про твою клязу? Знаю. От Юрика знаю. Хотел тебя поучить. Но ты нужен.

– Зачем?

– Сейчас объясню. А чтобы ты не хамил, сделаем вот что. Эй, любезный, – кивнул Глухов «мальчику». – Распорядись: этого певчишку Никоенкова и австралийца за борт!

«Мальчик» не успел выполнить приказ. Капитан увидел, как заметался на носу Никоенков в красных шортах. Один из «мальчиков» в сопровождении пары пиратов отыскал певца и столкнул за борт. Взмахнув руками, с криком полетел Никоенков в воду. Через несколько секунд за ним последовал австралиец.

– Ой, батюшки, акулы их едят!» – взмыл над судном истошный женский крик.

Несколько женщин согнулись и затряслись от приступа рвоты.

– Глухов – сука нас сдал! – загудели мужики.

«Мальчик» дал длинную очередь поверх голов.

– А ну, тихо! – рявкнул в микрофон Анатолий Сергеевич и шелкнул тумблером. – Старею! Забыл трансляцию отключить.

– Зачем я тебе нужен? – спросил капитан.

– Этот план я вынашивал давно. Нужно было время, чтобы найти подходящих людей. Нужно было время, чтобы они мне поверили. Нужно было время, чтобы подготовить «мальчиков», которые могли бы захватить судно без единого выстрела. Сам я для пиратов большой ценности не представляю. Вдвоем мы – сила. Представь себе, встречаются в море два лайнера английский и, скажем, российский. Вдруг российское судно берет английское на бордаж. Вместо туристов на нем оказываются пираты! Старый пиратский прием, забытый сегодня. Самим «косым» с таким лайнером, как наш, не справиться. С твоей помощью огромные бабки брать можно. По сотне тысяч баксов за операцию Чан обещал нам платить. Накопим несколько миллионов и завяжем. Купим виллы, найдем холуев, заживем в свое удовольствие...

– Зачем тебе шапка соболиная? Ведь ты в тропиках пиратствовать собрался?

– Видишь ли, много «косых» бежит сейчас через Гонконг в Канаду, Штаты. Все хотят прибахленными приехать. Хоть за гроши шапчонку толкну, а всё баксы сами в руки идут.

– Что будет с туристами, с обслугой?

– Мужиков за борт. Баб трахать будут, потом в притоны продадут. А может, в компанию к мужикам и акулам отправят, – зевнул Глухов.

– Если я откажусь от твоего предложения?

– Откажешься – отдам тебя «мальчикам», которых ты давеча избил. Они с тобой потешатся. Потом привяжем к мачте и затопим лайнер. Ты будешь тонуть, а акулы будут тебя жрать.

– Сколько на судне валюты, драгоценностей?

– Миллионов на тридцать баксов будет, – ответил менеджер.

– Дурак! – сказал Капитан. – Обчистят «косые» банк и туристов – ни ты, ни лайнер им не будете нужны. Тебя же первого за борт выбросят.

Как бы в подтверждение слов Капитана один из пиратов столкнул за борт «мальчика», тащившего с палубы Машу Грозову. Другому отморзку, тоже впившемуся в девушку, пираты проломил прикладом голову. Троица «косых поволокла Машу в глубь кают.

– Ё-моё! – вырвалось у Анатолия Сергеевича.

С испугом посмотрел на него опустивший автомат «мальчик». Этого было достаточно Капитану. В полете достал он отморозка, вогнав ему ребром ладони переносицу в лоб. Заодно

выбил ногой автомат у Глухова. Поднимать оружие не было времени. Капитан прошел колесом по рубке, преграждая Анатолию Сергеевичу путь к автоматам. Моряк вовремя успел прикрыть рукой висок. Полуботинок менеджера порвал рубашку. Оставил синяк на предплечье Капитана.

– Отдай автомат, сука! – Глухов наносил удары руками и ногами. – Дай мне уйти с судна!

– Подождать с автоматом придется! – Капитан уходил от ударов, видя, что Глухов выдыхается. – Меня, дядя Толя, тоже кое-чему учили, когда я в спецназе служил. Только я постоянно тренировался, не терял форму. А ты жизнь прожигал! Подрастерял здоровьишко пьянками, курением, случайными связями.

Капитан легко оторвался от пола и нанес двумя ногами удар в голову Глухова. Анатолий Сергеевич нашел силы подняться. Он тряс головой, среди кровавого месива тупо туманились глаза. Сокрушительным ударом в челюсть Капитан вышвырнул Глухова из рубки, проводил взглядом катившееся по лестницам и трапам тело. Он подобрал оружие, вытащил запасную обойму из кармана мертвого «мальчика». «В машинное!» – приказал себе Капитан, глянув на лежавшего внизу Анатолия Сергеевича, пошел через пассажирский отсек.

– Изнасиловали-и! – выбежала из каюты Маша Громова и, сверкая голыми ягодицами, побежала по коридору.

– Хая! Хая! – выскочил из соседней каюты низкорослый китаец и начал загонять туда женщину.

Капитан вошел в каюту, откуда выбежала пассажирка.

– Доброе утро, товарищи! – сказал по-китайски Капитан паре потягивавшихся китайцев и прошел их очередь.

Следом моряк посетил каюту, куда низкорослый затащил Машу. Тот уже лежал на ней. Поддев автоматом подбородок китайца, капитан свернул ему шею.

– Спрячься куда-нибудь и не шуми! – велел он женщине.

По пути в машинное отделение Капитан заглянул в банк, сняв с противопожарного стенда топорик. Стальная дверь комнаты-сейфа была уже открыта. Трое пиратов вошли внутрь. Чан задержался. Малайским кинжалом крис он перерубил горло директору банка. Капитан метнул топорик, который вонзился Чану в лоб. Прыжок к стальной двери. Рывок – дверь начала медленно закрываться. Пират рванулся к двери, попытался помешать закрыть ее, но получив пулю от Капитана, повалился на пол. Щелкнули автоматические замки. Забарабанили в дверь запертые в сейфе пираты. «Где-то рядом должен быть еще один!» – подумал Капитан и столкнулся с выходящим из казино пиратом. Тот тащил охапку долларов. Капитан вырвали из-за пояса морского разбойника крис и со всей силы ткнул его в подбородок. Кинжал с треском вышел из темечка пирата, а сам он медленно сполз по стенке, заливая деньги кровью.

Капитан достиг машинного отделения. Двое «мальчиков» держали моряков под прицелом. Лежал на полу перевязанный окровавленной тряпкой старший механик Петрович. «Мальчик» что-то брезгливо бубнил морякам.

– Запускай машину! – крикнул Капитан и свалил опешивших «мальчиков» очередь. – Двое со мной! Остальным задраить машинное! Полный вперед!

По пути к рубке Капитан объяснил сопровождавшим его мотористам, как пользоваться автоматами.

Истошный вопль по-китайски: «Чан убит!» совпал с шумом заработавшего двигателя и очередями, уложившими пиратов, державших под прицелом туристов и команду.

– Прикройте мостик! – приказал Капитан морякам по радио находившимся на носу. – Ложись!

Выскочившие из кают пираты были встречены очередями моряков. Неважно, что только один из них остался лежать на палубе. Теперь уже среди разбойников царила паника. Бросая награбленное, они бежали. Капитан выждал, когда пираты попрыгают в катера. Он резко

повернул лайнер, круша катера, рубя винтом барахтавшихся в воде пиратов. Кровавый след, вокруг которого шныряли акулы, потянулся за лайнером. Лишь одному из катеров удалось уклониться. Зигзагами он начал уходить от судна.

– Так держать! – передал он штурвал одному из спасенных моряков.

Сняв «стингер» с убитого пирата, Капитан поймал в прицел уходивший катер. Зигзагами пошел за катером снаряд из «стингера». Настиг его, взметнул огненный столб, разметал охваченных огнем людишек.

Капитан нашел Машу, принимавшей ванну.

– Боюсь я! – всхлипнула она. – Грязные они были. Все в язвах, струпьях, гное.

– Прости, Маша! Не уберег! – покинул каюту Капитан.

По лайнеру между тем гоняли Глухова. Он отступал, волоча ногу, отмахиваясь подобранной пожарной лопаткой. Толпа туристов полуокружила его, прижимала к борту, толкала веслами, колола баграми.

– Отставить! – закричал в рупор Капитан. – Его судить надо!

Прижатый к борту Глухов с надеждой смотрел на спускавшегося к нему Капитана. Брошенная из толпы бутылка ударила Анатолия Сергеевича в голову. Багор вонзился в живот менеджеру круиза, перекинул его за борт. Капитан бросился сквозь толпу. Зажимая рану в животе, Глухов греб одной рукой. Вокруг него неторопливо кружили акулы. Одна из них приблизилась и осторожно откусила у Анатолия Сергеевича ступню. Глухов пронзительно закричал. Капитан бросил ему спасательный круг. Анатолий Сергеевич, продолжая кричать, ухватился за него.

– Помогите же кто-нибудь! – Капитан потянул трос.

– Не будем помогать! И ты не смей! – ответила толпа.

Акула впилась в живот Глухова и отплыла, таща за собой кишки Анатолия Сергеевича. С визгом менеджер ушел под воду. Как по команде акулы бросились на него, вспенили хвостами окровавленную воду, потащили обрубок в глубину. Капитан лишь успел различить отделившуюся от тела голову, которую тут же проглотила тигровая акула.

6

Во Владивостоке Капитан не застал Юрика. Тот любил проводить вторую половину дня и ночевать на станции «Девятнадцатый километр». Некогда принадлежавший первому секретарю Приморского крайкома КПСС особняк по сей день охранялся милицией. В самом доме дежурила пара телохранителей. Впрочем, все это было данью традиции. Юрик пользовался в криминальном мире таким влиянием, что мало кто дерзнул бы украсть у него даже что-то по мелочи.

Оставив свой «ниссан» за квартал от резиденции хозяина, Капитан прошел туда пешком. Знавшие моряка постовые пропустили его в резиденцию без доклада. Вышколенный дворецкий, бывший крайкомовский работник, попросил было подождать, но Капитан вломился следом за ним в кабинет.

– Ты жив? – удивленно спросил Юрик, жестом отпуская дворецкого. – Что с лайнером?

– В Сингапуре. Ведутся мелкие ремонтные работы. А это что? – глянул Капитан на лежащую на столике газету. Захват российского туристического лайнера пиратами... Как следует из статьи, судно уничтожено. Перечень убытков, ссылка на газету «Сингапур пост»... Уже, наверное, и в страховую компанию обратились?

– Обратились, – криво усмехнулся Юрик. – Знаешь, сука, сколько я из-за тебя потерял?

Слюсаренко внезапно выбросил в ударе руку. Капитан вовремя увернулся. Удары месили воздух. Капитан уходил от них. Вдруг Юрик остановился. Он выхватил из кармана пистолет. Капитан воспользовался перерывом в атаке, ударил Юрика ногой в лоб. Слюсаренко упал, но не выпустил оружие. Капитан нажал ему на болевую точку. Юрик выпустил пистолет,

но левой рукой выхватил нож с выбрасывающимся лезвием. Моряк отпрянул и ударил ногой Юрика по кисти руки.

– Сейчас мои быки тебя на куски порежут, – захрипел Слюсаренко.

– Сейчас ты эту запись прослушаешь! – Капитан швырнул в кресло «обезрученного» хозяина. – Я сумел записать на диктофон нашу последнюю беседу с покойником Глуховым. Из нее видно, что ты стоял за спиной пиратов. Глухов был лишь шестеркой, подставным лицом.

– Кусочник низкий твой Глухов, – сказал Юрик, прослушав запись. – Потому и ему приготовил я могилку на дне морском.

Кто-то по-кошачьи поскребся у двери. Двадцатилетняя пассия Юрика или «матрёна», как он их называл. Кротко взглянула на Слюсаренко.

– Юрик, ты не забыл. Что у Гелия Лукьяновича парти? Пошли этого на х... – презрительно скользнула девка глазами по капитанскому мундиру.

– Тачка заложена, поезжай! А я подъеду, как с делом закончу, – велел ей Юрик.

– Конечно, я могу забрать запись, а тебя рыб кормить отправлю, – проводил Юрик взглядом «матрёну». – Но наверняка у тебя есть дубликат. Поэтому давай по-хорошему. Я тебе за пленочки пару миллионов подкину. Да не «деревянных», а «зеленых». Идет?

– Боюсь, что поздно, – ответил Капитан. – Вот копия допроса захваченного мною пирата – близкого друга Чана. Он говорит, что захват и уничтожение лайнера готовились и направлялись тобой. Вот также «Сингапур пост», опубликовавшая следственные материалы.

– Кто им позволил следственные материалы публиковать? – подскочил Юрик.

– Свободный мир! Другое отношение к прессе, другие права у прессы. Но не в этом дело. Дубликат пленки забрала у меня сингапурская полиция. Копии ее и всех следственных материалов она передала представителям страховой компании, где было застраховано судно. Эти ребяташки прибыли во Владивосток одним рейсом со мной.

– Это серьезно, – побледнел Юрик. – Там крутые парни. За те сто миллионов баксов, что я с них запросил по страховому полису, они меня даже в Антарктиде найдут. Сроком не отделаюсь. Если посадят меня на кол – можно считать, что я легкой смертью умер. Что же делать?

– Думай! – ответил Капитан, положил перед Юриком пистолет и вышел из кабинета.

Капитан не пошел по главной аллее. Он укрылся в саду, в который въезжали серебристые лимузины. Капитан увидел, как Юрик выглянул из окна, затем ушел в глубь кабинета откуда треснул выстрел.

7

Следующим утром Капитан зашел в бар ресторана «Арагви» – единственное место в городе, где подавали приличный кофе по-восточному. Всегда приветливый и словоохотливый армянин Андрюша молча поставил перед Капитаном чашку кофе и положил газету. Из траурной рамки скалился Юрик. «Несчастный случай оборвал жизнь крупного организатора промышленности и транспорта, туристического и банковского бизнеса Юрия Николаевича Слюсаренко», – прочел Капитан.

– Уже знаете? – плюхнулся рядом пьяненький журналист Пржешевский. – Чистил оружие и закатал себе в лоб. Бармен! Двести грамм коньяка!

– Не велено сегодня отпускать спиртное. Траур! Кофе могу подать, – ответил Андрюша.

– Кофе так кофе! – ухмыльнулся журналист.

Он вытащил из кармана плоскую бутылочку коньяка и сделал несколько глотков.

– Не желаете? – спросил он Капитана. – «Малый шлем», канадский, дерьмо!

– Я только по праздникам, а сегодня траур, – отказался Капитан. – Как ваши очерки о круизе?

– Не будет очерков. Пошел я сегодня к преемникам Юрия Николаевича за авансом... Ничего не надо, говорят, в круиз за наш счет прокатился – и ладно! Дали деньги на билет до Москвы, сказали: «Уезжай сегодня же! И ничего об этой поездке не публикуй! Не то все, что на тебя потратили, по суду вытащим». Так-то!

– Поздновато уже в аэропорт? – посмотрел на часы Капитан.

– Ничего вечерним поездом, плацкартным уеду.

Месяцем позже похоронили Машу Громову, умершую от только что открытой болезни «смертельная бактерия». Свою квартиру, деньги и машину она завещала Капитану.

В мае сорок пятого

Триллер

Берлин пал. Пахло весной, разлагавшимися трупами, гарью. Поблескивая только что полученным орденом Александра Невского, капитан Ананьев вошел в подъезд стилизованного под средневековый замок многоэтажного дома.

Ананьев начал воевать с октября сорок первого. Впервые понюхал пороха под Москвой младшим лейтенантом – переводчиком политотдела армии. С этим политотделом дошел до Берлина, обрастая сначала «кубарями», а позже звездочками на погонах. Отвоевал Ананьев неплохо – ни единой царапины, хотя лез в самые жаркие места. Поначалу это была лихость штатского человека, стремившегося доказать кадровым офицерам, что и он чего-то стоит. Со временем потребность рисковать стала неотъемлемой чертой его характера. Начальство критиковало Ананьева за ухарство, но высоко ценило сделанное им. Четыре ордена оттягивали гимнастерку капитана. «Александра Невского» он получил за Польшу – уговорил сдать целую немецкую дивизию, попавшую в окружение. Знал Ананьев, что и за Берлин его представили к ордену и воинскому званию майор.

Не смотря на храбрость в бою и самостоятельность в суждениях, Ананьев умел приспособиться к причудам начальников политотдела. Четырех пережил он. Пережил капитан и трех боевых подруг: Лину, Лию, Лену. Все они были замужними женщинами, знавшими, что и Ананьев женат. Все они погибли в разное время при разных обстоятельствах. Последняя – Лена – в апреле, на Зееловских высотах. Шальной осколок попал ей в переносицу.

Бог миловал Ананьева: он не видел смерти ни одной из подруг. По возвращению с задания его подвели к свежему холмику, увенчанному фанерной пирамидкой со звездочкой. Ананьев привык к смерти. Сам неоднократно был на волосок от нее, ежедневно видел гибель других. А сколько раз ему самому приходилось брать в руки автомат или выхватывать из кобуры пистолет – со счета сбился!

Ананьев недолго страдал после гибели подруг. К подтянутому щеголеватому офицеру всегда тянулись женщины, и он быстро находил замену. Главным условием было, чтобы имя новой подруги начиналось на «Л». Ведь дома его ждала жена Лия. Сейчас капитан «холостяковал». Работы на него свалилось много, а женщина с нужным именем ему не попадалась.

Начальник Ананьева – полковник Бершадский дал задание подыскать приличные квартиры в доме-замке, отведенном сотрудникам политотдела под жилье. Война пощадила здание – лишь несколько выбоин от пуль и осколков на стенах да пара разбитых окон.

В просторном холле первого этажа Ананьев и сопровождавший его ординарец Володя наткнулись на два женских трупа с изрезанными до неузнаваемости лицами: один побольше, другой поменьше. Хлопнула дверь привратницкой. Голая немка, прикрывшись каким-то тряпьем, поскуливая побежала на улицу. Следом за не вывалились старшина и ефрейтор. Ефрейтор залихватски засвистел вслед женщине, но осекся, заметив офицера.

– Так что, товарищ капитан, в соответствии с приказом полковника Бершадского несем охрану объекта. Следим, чтобы другие части дом не заняли. Имущество не разворовали, – доложил старшина.

– Убрали бы... – покосился Ананьев на трупы.

– С минуты на минуту обещали пленных прислать, убрать эту падлу, да вокруг дома мертвяков пособирать, – ответил старшина. – В доме надо будет еще почистить. Мы видели, что здание пустое – дальше первого этажа не смотрели. Здесь эсэсовские чинуши жили – давно

разбежались. Этим вот – матери с дочкой не повезло. Танкисты тут гуляли. Их «тридцатьчетверку» за углом разбило... До нас еще зашли. Когда мы прибыли, эти фрау уже мертвые были.

– Где танкисты?

– Ушли свою часть. Хотя, стоп! Было их четверо, а ушли трое. Один где-то потерялся.

Шибко хмельные были.

Четвертого танкиста нашли у черного входа. Он лежал ничком, схватившись за перерезанное горло. Рядом валялся эсэсовский кинжал с запекшейся кровью на клинке.

– Мать моя – женщина! – присвистнул старшина. – Тихонько зарезали...

– Вот что, старшина! Давай-ка его отсюда куда-подальше! – приказал Ананьев. – Протрезвятся танкисты, начнут друга искать. Найдут здесь – СМЕРШ с военной прокуратурой притащат. Тебе лишние геморои нужны? Мне тоже не нужны!

Ефрейтор с парой солдат завернули танкиста в портьеру и уволокли из дома. Ананьев со старшиной, Володей и пятью автоматчиками пошли осматривать здание. Старшина, прихвативший связку пронумерованных ключей, аккуратно открывал двери.

Все поражались богатству и отделке апартаментов. В двух квартирах нашли отравившихся хозяев – чинов из гестапо, судя по мундирам. Их выбросили из окон во двор. Анаев командовал: кого, где селить, выбирая квартиры этажом повыше и победнее для младших офицеров, побогаче – для начальства. Володя переписывал номера квартир и фамилии вселяемых в блокнот, потом писал мелом фамилии будущих жильцов на дверях.

На особо богато отделанном третьем этаже Ананьев задержался.

– Здесь пиши: «Полковник Бершадский, а здесь – «Капитан Ананьев», – велел он Володе. – Открывай!

Чутье не обмануло Ананьева. На табличке над входом квартиры, отведенной Бершадскому, значилось: «Группенфюрер СС Карл фон Крюгер».

– Ух, ты! – вырвалось у всех, когда вошли в облицованную красной яшмой прихожую.

– Чисто метро! – с восхищением прокомментировал москвич Володя.

– Группенфюрер СС жил. Генерал-лейтенант по-нашему. Ему – гаду со всей Европы награбленное везли, – пояснил Ананьев.

Войдя в гостиную он поначалу пожалел, что отвел эту квартиру Бершадскому. «Фарфор севрский – начало девятнадцатого века, Франция. Серебро столовое – шестнадцатый – восемнадцатый века, Голландия и Австрия. Картины – семнадцатый век, фламандская школа. Ковры напольные, персидские», – с грустью оценивал про себя Ананьев. Однако его невеселое настроение улетучилось, когда он вошел в кабинет фон Крюгера.

Хозяин с разнесенным в ключья лицом полулежал в кресле. На огромном столе перед ним валялся старинный мушкет, из которого был произведен выстрел. Из этого же оружия разможили лицо и голову женщине в эсэсовском мундире, труп которой обнаружил заглянувший в спальню солдатик. «Умираем за Великую Германию! Хайль Гитлер! Карл и Ингрид фон Крюгеры», – прочитал Ананьев записку, аккуратно отложенную на дальний угол стола. Узнал Ананьев и подпись фон Крюгера, которая ему несколько раз попадалась на трофейных документах. Осторожно, чтобы не испачкаться кровью, капитан снял с фон Крюгеров «рыцарские кресты» и другие ордена, выгреб из карманов покойников удостоверения личности. Он не придавал большого значения тому, что с них содраны фотографии. «Главное, еще один фашистский хищник уничтожен!» – подумал капитан, укладывая награды, документа и предсмертную записку супругов в найденный на столе большой пакет. Солдаты тем временем шмякнули трупы фон Крюгеров об асфальт во дворе.

– Старшина! Когда приведут пленных, чтобы здесь первым делом все вымыли и вычистили! Сам проконтролируй! Ни единого пятнышка крови не должно остаться. Ты же знаешь,

что подруга Бершадского Надя помешана на чистоте! – распорядился Ананьев и направился в отведенную для себя квартиру.

«Профессор Штаубе», – прочитал он надпись на табличке. Профессор жил несколько скромнее: антикварная английская мебель черного дерева, английские картины семнадцатого-восемнадцатого веков, английские шерстяные ковры, английское столовое серебро. Особенно обрадовала Ананьева коллекция вейджвудского фарфора, столь любимого им. Понравились капитану и шкафы, забытые английскими костюмами, обувью, прочим барахлом. Поразила коллекция диковин из английских колоний, разбросанных по всему свету. Ананьев удивился, как профессора не привлекли за англофильские настроения, но вспомнил, что тот был разработчиком расово-этнической теории нацизма. Написал профессор и ряд пособий для эсэсовцев, как по этническим признакам (форме ушей, разрезу глаз, пигментации коржи и т.п.) определить еврея, русского, англичанина, представителя любого другого народа. Такие учебники временами попадались в руки Ананьева. Словом, имел профессор «заслуги перед рейхом».

Приехал Бершадский с Надей. Он удовлетворенно зацокал языком, осматривая квартиру. К его приезду пленные немцы все вымыли и вычистили. О найденных в квартире трупах Ананьев дипломатично умолчал. Еще больше возликовал полковник, увидев, что Ананьев будет жить скромнее. Капитан подсуетился. Он нашел несколько бутылок виски с человечком в цилиндре и красном фраке на этикетке.

– Вот, товарищ полковник, самый популярный напиток у союзников, – протянул Ананьев бутылку.

– Да подожди! Пробу снять надо! Вдруг – какая-нибудь гадость?

Ананьев разлил виски на чайным чашкам.

– Ну, чистый самогон! – выдохнул, осушив чашку Бершадский. – Пойдем лучше ко мне, товарищ Ананьев. Там у меня хозяин французский коньяк оставил. Море разлитое!

У Бершадского выпили за скорую победу, ее вдохновителя и организатора товарища Сталина. Полковник занудил, что и после капитуляции война для политотдельцев продолжится. Однако Надя демонстративно стала тереться о него грудью, давая гостю понять, что прием окончен. Капитан поспешил откланяться.

– Ты, товарищ Ананьев, сегодня много поработал. Отдыхай! Завтра к девяти ноль-ноль на службу! Сегодня у нас женщины вселяются, завтра я мужиков отпускаю. Дел будет много!

Слегка хмельной Ананьев возвратился к себе. Он несколько удивился, почувствовав, что в квартире тепло. Еще больше удивился капитан, когда вошел в гостиную. Камин был растоплен. Около него в кресле сидела женщина. При появлении Ананьева она резко встала.

– Кто вы? Как сюда попали? – по-немецки спросил офицер, направив в лицо неожиданной гостье луч карманного фонарика.

– Я – племянница профессора Штаубе, – спокойно ответила женщина. – Живу здесь около двух месяцев. Несколько дней, пока на улице шли бои, пряталась в подвале...

– Где ваш дядя?

– Дядя уехал еще до начала этого кошмара. Сказал, что у него лекции в Мюнхене и уехал... Больше мне ничего о нем неизвестно.

– Чем вы занимаетесь?

– Преподаю физкультуру в женской гимназии.

– Вы – член национал-социалистической партии? Говорите правду?

– Мы все были членами этой партии. Весь народ! Либо партия, либо – лагерь! Концентрационный лагерь! У нас не было другого выбора!

Задавая вопросы, Ананьев внимательно рассматривал женщину. Она была прекрасна. Коротко стриженные пепельные волосы обрамляли правильной формы ангельское личико с большими голубыми глазами. Под тонким свитером чувствовалось сильное тело с большой крепкой грудью и красивыми плечами. Широкие, но в меру бедра, длинные точеные ноги подчеркивались строго облегающей юбкой. «Мечта!» – пронеслось в голове у Ананьева.

– Как вас зовут? – спросил он.

– Линда Штаубе.

– Сама судьба послала мне ее! – подумал капитан и, раздевая глазами женщину, продолжил. – Что же мне с вами делать, Линда Штаубе? Передать в нашу контрразведку, как члена фашистской партии? Просто выставить отсюда? Но на улицах стреляют... В городе солдаты. У многих из них ваши полностью уничтожили семьи. Теперь эти люди мстят. Объектом мести становятся не только военные, но и старики, женщины, даже дети...

– Ради Бога! Господин офицер! Я знаю, что делают ваши солдаты с женщинами, как жестоко они их насилуют и убивают!

Знал это и Ананьев. Попадется Линда десятку, а, может быть, двум десяткам солдат – будут насиловать, пока не накончатся. Исколют ножами тело, выбьют глаза, отрежут нос, уши, грудь. Потом вспорют живот и выдернут из него кишки наружу. Такое творили немцы в России, такое теперь творят советские солдаты в Германии.

– Что же мне делать с вами, Линда? – еще раз спросил Ананьев, разливая по бокалам коньяк.

– Оставьте меня здесь, господин офицер! Я буду послушной и умной. Буду ухаживать за вами, все делать по дому...

– Все это – хорошо, но мне нужно большее! – капитан протянул Линде бокал. – Выпей!

– О, мой Бог! Мы – немки никогда столько не пьем!

– Ты теперь живешь в русском доме! Привыкай к нашим обычаям! – осушил свой бокал Ананьев.

К его удивлению, Линда выпила мелкими глотками, смакуя коньяк.

– Теперь поцелуй меня! – велел офицер.

Ананьева никогда не целовали так нежно, так сладко, так страстно, так необычно. Немка впилась губами в его рот, повела своим язычком по языку капитана, а затем заскользила им по верхней десне. Ананьев ласкал одной рукой ягодицы Линды, другой – ее упругую грудь. Затем опустил руку вниз, коснулся ею волос под трусиками женщины. Та всхлипнула, застонала, оторвалась от Ананьева и тяжело дышала, положив ему голову на плечо.

– Пойдем в постель! – предложил капитан.

– Пойдем, – согласилась женщина. – Только, давай еще немного выпьем! Я подам.

Когда Линда с двумя фужерами коньяка вошла в спальню, изрядно захмелевший Ананьев сбросил с себя гимнастерку и сапоги. Они выпили. Женщина снова прильнула к капитану своим загадочным поцелуем, от которого кругом пошла голова. Ананьев помнил обнаженную грудь Линды под своей рукой, теплую нежную руку немки на своем бедре.

Утром Линда разбудила Ананьева. Вкусно пахло кофе и чем-то жареным. У кровати стояли меховые тапочки.

– Где мои сапоги? – пробормотал Ананьев.

– В прихожей. Я их вычистила. Вчера ты сказал, что должен быть на службе к девяти утра. Завтрак готов!

– Как я вчера? – спросил Ананьев.

– О, мой офицер такой страстный! – улыбнулась Линда.

Она показала капитану синяк на руке и следы спермы на простыне.

– Я бы постирала, но нет горячей воды.

– Где ее взять? Во всем Берлине нет...

– В доме есть кочегарка. Она работает. В подвале много угля. Ваши солдаты могли бы натопить. Было бы тепло в доме. Мы могли бы решить наши гигиенические проблемы. К тому же в вашей части много женщин. Им горячая вода просто необходима. Кроме того, солдаты побросали в подвал убитых. Они уже начали разлагаться. Это – чревато инфекциями. Их надо сжечь!

– Ты спокойно предлагаешь сжечь своих немцев? Будто, это – дрова, – удивился Ананьев. – Вдруг родня их будет искать?

– Сейчас надо думать о живых, а не о мертвых! Все погибшие, как я понимаю, – гестапо или СС. Родня их искать не будет! Война кончится со дня на день. Главное – сохранить всех, кто выжил в ней. Между прочим, от котельной можно привести в действие энергогенератор. В доме будет свет!

– Хорошо! Прикажу старшине решить эти вопросы.

Явившись в политотдел, Ананьев первым делом заглянул в кабинет Бершадского. Тот сидел в новеньких генерал-майорских погонах.

– Разрешите поздравить, товарищ генерал-майор! – шелкнул каблуками Ананьев.

– И я тебя поздравляю! – встал из-за стола Бершадский и ахнул.

Отвисла челюсть и у Ананьева – начальник был черных, до колен трусах.

– Надюша сейчас на галифе лампасы нашивает, – пояснил тот. – А тебя, товарищ Ананьев, поздравляю с воинским званием майор!

– Служу Советскому Союзу! – вытянулся Ананьев.

Бершадский протянул ему новые майорские погоны. Привычным ударом ладони Ананьев хотел надломить их в соответствии с тогдашней фронтовой модой.

– Э, нет! – остановил начальник. – Хотя война пока еще продолжается многие фронтовые привычки, в том числе и эту, придется отставить.

– Уже скоро? – с пониманием спросил Ананьев.

– Через несколько часов будет подписан акт о безоговорочной капитуляции. Мы с Надюшей по этому поводу с утра пораньше расписались. Так сказать, зарегистрировали супружеские отношения. Моих-то в самом начале войны всех... Свои же, украинцы, топорами на куски изрубили. Ну, а ее сокол в сорок третьем под Курском навеки отлетался. Так-то! Делили мы фронтовые тяготы, теперь вместе мирную жизнь будем строить.

– Это дело надо отметить, товарищ генерал-майор! Я мигом!

– Постой, товарищ Ананьев! Сегодня в двенадцать ноль-ноль вручение правительственных наград за Берлин. До этого времени все должны быть «как стеклышко»! Тебя, кстати, с орденом Красного Знамени поздравляю!

Известие о подписании Германией капитуляции пришло когда «обмытие» наград было в разгаре. Все выбежали на улицу. Берлин утонул в треске выстрелов и могучем русском «ура». Стреляли, пили, целовались, снова стреляли, снова пили. Казалось, что конца не будет этой стихии.

Ананьев плохо помнил, как добрался домой. Когда он вошел, Линда шелкнула выключателем. Зажегся свет.

– Солдаты наладили генератор, – сказала она, поцеловав Ананьева.

– Мир, Линда! Мир! – впился в нее новоиспеченный майор.

– О, у тебя новые погоны?

– Да, теперь я по-вашему оберст! Давай выпьем!

– Не много ли?

– За победу им-мею право! Наливай! За нашу победу! – покачиваясь провозгласил Ананьев.

– За мир! – подняла свой бокал Линда.

– А теперь в кровать, немочка моя голубоглазая! – потащил Ананьев женщину в спальню. – Только ты раком встань!

– Как? Я не понимаю, – ответила Линда.

– Вот так! – показал Ананьев и захрапел, уткнувшись в подушку.

Следующим утром Линда насилу добудилась Ананьева. Она облекла майора в вычищенный мундир, напоила бразильским кофе и, вручив в качестве свадебных подарков Бершадским золотые пудреницу и портсигар из дядиной коллекции, выпроводила на службу. Подарки произвели фурор. Бершадский выставил из «личных запасов» угощение. Ананьев снова, Бог весть когда, вернулся домой. Линда с понимающей улыбкой разлила по фужерам коньяк. Майор отрубился, лишь успев стащить с нее халат.

На третий день Бершадский собрал подчиненных.

– Смершевцы наткнулись на что-то вроде эсэсовского управления кадров. Масса документов! Все мы должны подключиться к ним. В первую очередь командование, контрразведку интересуют личные дела. Сейчас надо установить: кто из эсэсовцев остался в живых. Перекрыть им возможность уйти на территорию союзников, а оттуда в нейтральные страны. Особое внимание надлежит уделить личным делам высших чинов СС. Группу, занимающуюся этими документами, этими документами возглавлю я сам. Группу, занимающуюся личным составом эсэсовских спецподразделений, возглавит товарищ Ананьев... – далее последовал перечень группы, их персональный состав, перечень руководителей.

Через час переводчики разместились в только что очищенных от трупов кабинетах эсэсовского управления. Потекла обычная в последние году войны работа. Сотрудники политотдела перелопатили горы таких материалов в штабах разгромленных немецких частей, захваченных комендатурах, полевых жандармериях, полицей-президиумах, отделах гестапо, городских управах и магистратах. Раскидав работу подчиненным, Ананьев сам решил заняться одним из наиболее страшных подразделений СС. Об этом подразделении много слышали, но оно было неуловимым. Оно шло впереди гитлеровской армии, разрушая связь, взрывая мосты, склады горючего и боеприпасов, убивая генералов и офицеров неприятельских армий. Личный состав подразделения действовал то в польской, то во французской, то в югославской, то в советской военной форме. Следующей задачей подразделений являлся захват разведывательных служб неприятеля, выявление оставленной им на оккупированной территории агентуры, антифашистского подполья. Попавшие на допросы к сотрудникам подразделения не выдерживали изуверских пыток. Люди предпочитали выдать всех и все, лишь бы прекратить адские мучения, купить ценой предательства легкую смерть от петли, а еще лучше – от пули. Даже из захваченных в плен эсэсовцев никто не знал в лицо членов этого подразделения. Теперь все их личные дела находились перед Ананьевым. Их было много – целый шкаф.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.